75 ПОБЕДА! 1945–2020

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ
ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ ХАКАСИИ

Хакасияның чаачы писательлері

Воины-писатели Хакасии

Сысолятин Геннадий Филимонович

(1922–2003)

Г.Ф. Сысолятин, поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей России, старейший член правления Союза писателей Хакасии, Заслуженный деятель искусств Республики Хакасия родился в 1922 году в селе Окунево Тюменской области. После окончания педагогического училища работал учителем в Алтайском районе Хакасии.

После окончания артиллерийско-минометного училища в марте 1942 г. военная биография капитана Сысолятина, командира взвода управления минометной батареи, минометных и пушечных батарей связана соТсражениями на Донском, Сталинградском, Брянском и 1-ом Белорусском фронтах. Это Сталинградская и Курская битвы, освобождение Белоруссии и Украины, Польши, Померанская операция на Висле и Одере, служба в 60-й стрелковой дивизии 47-й армии, боевой путь

которой пролёг от Москвы до Эльбы. Г.Ф. Сысолятин награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, медалями.

Памятью о войне наполнены его сборники стихов и поэм: «Снежная родина», «Саян-камень», «Тысячелистник» и другие. К 50-летию Победы он издал в Абакане документально-художественный сборник «Твой звездный час», посвященный абаканским землякам – участникам Сталинградской битвы.

С 1986 по 1992 гг. Г. Сысолятин работал штатным консультантом, заместителем ответственного секретаря Хакасской писательской организации СП РСФСР. Его ученики - ныне сами известные писатели Хакасии.

Медсестра

(Лирическая поэма)

1

Землянки среди сугробов
Да в инее хвойный лес.
Над госпиталем багровый
На белом – квадратный крест.
Вот всё, что я видел смутно…
– В носилках сюда меня
Доставили – в лес под Кутно –
Медсёстры из-под огня.
Несли на носилках двое.
Но – боль, но – в глазах темно,
И лица их предо мною
Сливались тогда в одно.
Которая же дивчина
В воронке меня нашла,
Прикрыла собой от мины,
От смерти уберегла,
Бессильного положила?
Подруга ей говорила:
– Твою посекло шинель…–

Не мог о ней допытаться
У раненых и врачей.
– Спеши, браток, поправляться.
Сестрица тебе – зачем?
И фронт вспоминал, и дом.
То видел себя на Висле,
То на Казыр-су седом.
И женственное обличье –
Не смутное, как тогда, –
Другое лицо девичье,
Что помнил я все года.
Той родинке над губою,
Тем жёлтым потоком кос
Дорогою фронтовою
Я давнюю верность нёс.
Надеялся: «Погоди-ка,
Вот Гитлера разгромим…»
Как странно! Слились два лика
Сейчас у меня в один:
Как будто в шинели серой
Та, дальняя, и была…
Что выживу, новой верой,
Надежду она зажгла.

3

Жизнь в госпитале бежала,
Событьями не пестра.
Однажды известно стало:
К нам – новая медсестра,
С передовой, оттуда…
И сердце зажглось моё.
Как праздника, нет – как чуда,
Прихода я ждал её.
Пришла. Небольшого роста,
Не очень собой статна,
Белеса. Веснушек просо…
Она или не она?
Халат на ней обтянулся,
Пропахнувший камфарой.
Случайно он расстегнулся –
И орден там, и другой…
Халат она запахнула,
Лекарство несёт в руке,
Слегка розовеют скулы,
Как персиковые, в пушке.
Соседи мои недвижны,
На каждом бинтов – гора…

Не вытерпел я: – Что слышно
На фронте у нас, сестра?
Куют ли друзья победу?
Не виден ли Одер нам?
– О том политрук беседу
Готовит… Да вот он сам… –
Поправила одеяло,
Подушку приподняла.
И взгляда не задержала,
И бровью не повела.

4

За тумбочкою украдкой
Я руку разбинтовал.
Была у меня тетрадка,
И листик я оторвал.
Я строки вёл через силу
Для той, чья коса – ручей.
Её называл я милой
И в отпуск сулился к ней.
(Мне отпуск тот обещали).
Ну, было ж с письмом хлопот!

«Сюда медсестра едва ли
От столика подойдёт», –
Так думал я. А на деле
Вдруг выстрелило в плечо,
И пальцы закроввенели,
И стало им горячо –
Внезапно открылась рана,
И боль была так остра!..
Откуда-то из тумана
Бежала ко мне сестра…

5

Я помню ярчайшей лампы
В лицо мне глядящий глаз.
Вокруг шелестят халаты.
Наркоз мне дают как раз.
Сестрицины шепчут губы –
Не верю своим ушам:
– Найдёныш мой, милый, глупый,
Коль надо – всю кровь отдам,
Чтоб в жилах твоих бежала,
Чтоб на ноги встать ты мог… –

Моргнул – она пульс разжала,
Пунцовая, как цветок.
А после, уже в палате,
Увидел – опять она,
В стерильном своём халате,
Со всеми подряд ровна.
Но – дрогнула бровь крутая:
– Что ищете?
– Нет письма…–
Шепнула: – Письмо сама я
Отправила ей – сама!

6

Я выписан
Хлеб и рыбу
В паёк мне с собой мне дают.
– Спасибо, сестра, спасибо
За сердце, за душу твою.
Поеду я в путь неблизкий,
В Сибирь, где снега, ветра.
Поклон вам солдатский, низкий,
Заботливая сестра! –

И снег под ногами хрустнул –
Снег польских чужих порош.
С какой-то покорной грустью
Сказала она:
– Ну что ж!...

8

Одёрнув шинели полы,
Сняв вещмешок на ходу
К сторожке начальной школы
Взволнованный я иду.
И не могу наглядеться
На старенькое крыльцо...
Тут в детстве – недавнем детстве! –
Я рос сиротой-мальцом.
Стучу поначалу тихо,
Потом сильней и сильней.
Вижу – у сторожихи
Свет замерцал в окне,
Старенькая, худая, –

Свыклось недоедать –
Бабка моя седая
Вышла меня встречать.
– Геня! Голубчик… милый…
Что ты стоишь? Входи…–
Что-то комком подступило
К горлу. Щемит в груди,
Вновь меня опахнуло
Всё, чем жил до войны:
Четыре дырявых стула
Сутулились у стены.
Полочка с занавеской,
Где книги мои лежат,
Как будто вчера лишь с повесткой
Ушёл я в военкомат.
И бабка будто вчера лишь
На проводы внука шла,
И руки её дрожали,
И руки он подняла,
И молча перекрестила
Неверующего – меня.

10

Казалось мне: сбылся дивный
Давнишний солдатский сон.
Заката косые ливни
Насквозь прошивают дом.
Привета горячее слово
Я в сердце сюда принёс
Девчонке светлоголовой,
Ручьям её жёлтых кос…
В цигейковой лёгкой шубке
Сама она на крыльце.
Как странно поджаты губки.
Растерянность на лице.
Косится на двери дома.
Стою перед ней и мне
Всё чудится незнакомый
Мужской силуэт в окне.
То ль и впрямь маячит –
Сквозь иней не разберу…
Коль любит, глаза не прячут,
Такое ведь – не к добру.
– Письмо моё получали? –
Кивнула лишь головой…
Но – ясно: меня не ждали,
И здесь я совсем чужой.

11

Обидою сердце билось,
Хлестнули в глаза ветра…
И – так уж оно получилось –
Мне вспомнилась медсестра –
Та, что провожала,
Едва сдержав слезу…
Война ещё громыхала,
В Берлин мы несли грозу…

13

Дорогой на фронт всё думал
Я, полку вверху заняв, –
Приеду и ей скажу, мол:
«Хоть ты и не ждёшь меня,
Но лучше тебя, сестричка,
Во всём государстве нет…»
Вели поезда перекличку,
Мелькал семафоров свет.
И вот – полустанок, будка,
Дорога в сосновый бор…
И всё – как вчера… Как будто
Живу я тут с давних пор.

Вот лес. И землянки те же…
Но почему тишина?
А где же санитары? Где же?
Кто скажет мне, где она?
В землянке её открытой,
Завьюженной и пустой,
Нашёл я кушак забытый,
Кушак тот я взял с собой.
И двинулся к полустанку,
Чтоб сесть в эшелон опять.
И знал. Воевать я стану
И стану её искать.

В изрытом войною саду

Всю ночь соловьи над окопами пели,
А утром в заброшенный сад,
Разрывом спугнув соловьиные трели,
Ударил тяжёлый снаряд.
В ремнях и погонах, в защитной рубашке,
С багряной звездой на груди,
С биноклем, зажатым в руке, без фуражки
Лежал молодой командир.

Колечко, да синий платочек измятый,
Да девичий милый портрет
Невесте его отослали солдаты,
И парня кладут на лафет.
В пустынном саду схоронили комбата,
Салют троекратный умолк.
А ночью был фронт отодвинут куда-то,
И снялся с позиции полк.

.....

И вновь соловьи на кусты прилетели,
Как в том незабвенном году.
Кто слышал их – понял, о чём они пели
В изрытом войною саду.